

Цинь Цзуньюэ смотрела на человека, упавшего на пол. Цзян Цзиньюань подняла голову, их взгляды встретились.

— Цинь Цзуньюэ, ты что, дьявол?! — почти кричала Цзян Цзиньюань, потирая больную ягодицу, переполненная обидой.

Ситуация была крайне неловкой. Цинь Цзуньюэ наклонилась, чтобы помочь ей подняться. Встав, Цзян Цзиньюань продолжила массировать свою ягодицу.

Она начала сомневаться, не противоречат ли их элементы пяти стихий, ведь с тех пор, как она встретила Цинь Цзуньюэ, всё шло наперекосяк. В первый день она повредила ногу, а теперь у неё болела попа.

Цинь Цзуньюэ потеряла свой нос:

— Кто тебе сказал, что нужно прислоняться к двери?

— Не буду больше с тобой связываться, хм.

С этими словами она взяла одежду и направилась в ванную.

Цинь Цзуньюэ немного пожалела ту дверь.

Комната была обставлена просто, так что не нужно было беспокоиться, что кто-то войдёт. У Цинь Цзуньюэ каждый день было много съёмов, поэтому она не дождалась, пока Цзян Цзиньюань выйдет, и заснула.

Цзян Цзиньюань, выйдя из ванной, увидела спящую и пробормотала:

— Свинья.

Осторожно выключила свет, накрыла одеялом. Время, проведённое в качестве стажёра, выработало у неё привычку засыпать мгновенно.

Казалось, никто из них не испытывал дискомфорта от того, что рядом появился кто-то ещё.

Когда Цинь Цзуньюэ проснулась, её выражение лица было трудно описать.

Кто-то явно использовал её как живую подушку, обнимая так крепко, что напоминал осьминога, с руками и ногами, обвивающими её тело.

Цзян Цзиньюань, упавшая с кровати, всё ещё была в замешательстве, сонно села на пол, кивая головой.

Примерно через минуту она словно в лунатизме поднялась, залезла обратно под одеяло и продолжила спать.

Цинь Цзуньюэ почувствовала, будто наблюдала за целым спектаклем лунатизма.

За окном уже светало. Цинь Цзуньюэ встала, быстро ополоснулась, переделась и вернулась в комнату Цзян Цзиньюань, где та всё ещё видела сладкие сны. Закрыв дверь, она вышла проверить, не появилось ли каких-нибудь новостей за вчерашний день.

Однако Цинь Цзуньюэ не беспокоилась, что она опоздает, просто сама проснулась раньше.

Даже Сяо Гу ещё не пришла.

Как только прозвенел будильник, Цзян Цзиньюань тут же вскочила, с быстротой, достойной университетской военной подготовки, умылась, нанесла макияж и переделалась.

— Доброе утро, старшая сестра.

Цзян Цзиньюань сладко улыбнулась ей.

Сяо Гу тоже принесла завтрак. С тех пор, как она узнала, что Сяо Гу приносит завтрак, Цзян Цзиньюань больше ни за что не готовила сама.

Зачем себя мучить.

Цинь Цзуньюэ, глядя на человека, который, казалось, совершенно не помнил, что падал с кровати, равнодушно произнесла два слова:

— Талант.

Чжо Минцин была уроженкой Янчжоу, полусиротой. Её мать рано умерла, а отец был игроком, любившим выпить и поиграть в азартные игры.

Однажды, напившись, он упал и разбился насмерть в переулке.

Тогда Чжо Минцин было всего тринадцать лет.

Тринадцатилетняя девочка, вырвавшаяся из толпы хулиганов, всегда несла в себе что-то от уличного духа.

Перед выходом на сцену Шу Цзыжань взглянула на вещь в руке:

— Волк-разрушитель пропал, обязательно найдите радиостанцию.

Спокойно нанесла макияж, переделалась. Все говорят, что актёры бессердечны. Шу Цзыжань, глядя на своё отражение в зеркале, улыбнулась ещё более холодно.

— Старшая сестра Шу, угадай, что я тебе принёс.

Тон, полный гордости, не оставлял сомнений, кто это.

— Думаю, это новая помада из Цюнфан.

Холодная улыбка на лице Шу Цзыжань сменилась на более радостную.

— Эх, старшая сестра, у тебя нос острее, чем у собаки.

Чжо Минцин, которая хотела сделать сюрприз, почувствовала себя неудачницей.

— Что это за сравнение?

Шу Цзыжань подняла бровь.

Чжо Минцин посмотрела на Шу Цзыжань и сладко улыбнулась:

— Старшая сестра Шу, ты такая красивая.

Но та, кого похвалили, лишь сдержала улыбку.

— Красивая?

Её голос, казалось, спрашивал кого-то другого.

Каждый раз, когда Шу Цзыжань играла, Чжо Минцинь приходила поддержать её.

Но у Шу Цзыжань тоже бывали неудобные моменты.

Когда Тань Юйхао пришёл к Шу Цзыжань, Чжо Минцинь как раз была рядом.

Шу Цзыжань пришлось придумать, как её отвлечь.

— Согласно предоставленной тобой информации, вещь действительно находится в особняке. Завтра вечером действуем.

Но не каждая операция заканчивается стопроцентным успехом. Когда Шу Цзыжань оказалась в ловушке в особняке, Тань Юйхао уже ушёл с вещью.

Они прекрасно понимали, что если вещь не будет доставлена, погибнет ещё больше людей. Иногда Тань Юйхао ненавидел свою рассудительность.

Шу Цзыжань думала, что не сможет сбежать, но когда раздались выстрелы, и её повлекли через узкий переулок, чувство благодарности было искренним.

— Старшая сестра Шу, я снова спасла тебя.

Перед глуповатой улыбкой Чжо Минцинь.

Даже самый бессердечный человек не смог сдержать слёз.

Взгляд упал на рану на её животе:

— Дурочка.

— Кат.

Свет загорелся, но на этот раз Цинь Цзуньюэ не сразу пришла в себя, как обычно. Слёзы ещё не высохли на её лице, а взгляд на Цзян Цзиньюань всё ещё был полон вины и печали.

— Старшая сестра!

Цзян Цзиньюань тихо позвала её, но перед ней человек всё ещё не приходил в себя.

— Цинь Цзуньюэ!

Произнося каждое слово, Цзян Цзиньюань начала волноваться.

К счастью, после того, как имя было произнесено, человек перед ней наконец прояснил взгляд.

— Спасибо за труд, на сегодня всё.

Чжан До взглянул на часы. Ночные съёмки — это тяжёлая работа.

— А, спасибо, режиссёр. Эти комары просто ужасны.

Цзян Цзиньюань показала язык Чжан До.

Цзян Цзиньюань была душой съёмочной группы, её актёрское мастерство тоже было неплохим, поэтому её легко полюбили. Чжан До тоже был ею доволен.

— Six god тебе в помощь.

Чжан До редко шутил.

Цинь Цзуньюэ пошла переодеваться, Сяо Гу помогала ей.

— Ну как, получилось?

Тон, полный гордости, словно ребёнок, ждущий похвалы.

Цинь Цзуньюэ опустила глаза, сжала губы и молчала.

— Осталась только одна сцена, всего одна.

В ушах ещё звучал тот бессвязный голос, полный возбуждения.

Но для Цинь Цзуньюэ он звучал с оттенком бессилия.

Те несколько дней они продолжали спать вместе, и Цинь Цзуньюэ привыкла к своей судьбе быть живой подушкой.

— Бесполезно, бесполезно, ха-ха-ха.

Перед сном Цинь Цзуньюэ, казалось, услышала крики за дверью.

Прохладные пальцы закрыли её уши, а человек, прижавшийся к ней, тихо застонал.

— Пусть ещё немного пошумит, спи.

На самом деле она уже не боялась, но Цинь Цзуньюэ всё ещё не убрала пальцы, закрывающие её уши.

В ту ночь тот человек, вероятно, был слишком возбуждён и долго шумел снаружи, так что обе внутри плохо спали.

Проснувшись одновременно с тёмными кругами под глазами, они посмотрели друг на друга.

Цзян Цзиньюань положила руку на лоб Цинь Цзуньюэ. Он был холодным, слишком холодным.

— Давай сегодня вечером, поговори с режиссёром о переносе сцены.

Цзян Цзиньюань вздохнула.

— Хорошо.

Цинь Цзуньюэ покорно согласилась.

В обед Цзян Цзиньюань специально вернулась домой, чтобы взять кое-что.

После обеда как раз начались съёмки.

— Юаньбао, что ты принесла?

Ду Яньбо посмотрел на ящик в руках Цзян Цзиньюань, обычный небольшой ящик.

— Сокровище.

Цзян Цзиньюань гордо улыбнулась.

Ду Яньбо стал ещё более любопытным, торопя её открыть.

Но внутри оказалось всего несколько книг, немного белой бумаги и бутылка вина.

— И это сокровище?

Ду Яньбо пренебрежительно произнёс.

Цзян Цзиньюань усмехнулась:

— Режиссёру понравится, брат Ду, помоги мне отнести это ему, я пойду переодеться, уже опаздываю.

Ду Яньбо, глядя на Цзян Цзиньюань, скрывшуюся в раздевалке, покачал головой, но всё же отнёс всё Чжан До.

Чжан До взглянул и сразу же загорелся. Эти книги были настоящей редкостью, хотя и рукописные, но главное — их содержимое.

— Яньбо, откуда у тебя эти книги?

Чжан До осмотрел Ду Яньбо, который совсем не выглядел человеком, изучающим историю. Такие вещи могли достать только профессионалы.

— Юаньбао дала.

Ду Яньбо пожал плечами.

Ещё один день, закончившийся глубокой ночью.

Чжо Минцинъ лежала на руках Шу Цзыжань, место её сердца уже было залито кровью.

— Старшая сестра Шу, сегодня от меня не пахнет табаком.

Чжо Минцинъ, капризная, обняла Шу Цзыжань. Хотя раненой была она, на её лице не было чрезмерного страха.

— Минцинъ, подожди ещё немного, скоро доедем до больницы.

Шу Цзыжань впервые почувствовала страх. Много раз она была на грани жизни и смерти, но никогда не ощущала ничего подобного. Теперь же её руки и ноги стали ледяными.

— М-м, всё в порядке. На самом деле я не боюсь смерти, просто немного больно.

Шу Цзыжань, слушая её детские слова, почувствовала, как её всегда холодные губы начали

дрожать.

Авторское примечание: Повседневность.

<http://bllate.org/book/16540/1507406>